

2025 – № 4

СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

Научная статья

УДК 83-32

DOI 10.17223/18137083/93/9

Рассказ В. Шукшина «Свояк Сергей Сергеевич» в контексте культуры хрущевской «оттепели»

Александр Иванович Кулепин

Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия

Русская христианская гуманитарная академия
имени Ф. М. Достоевского
Санкт-Петербург, Россия

iskander58@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9673-3855>

Аннотация

Поставлена проблема идейной и творческой эволюции Шукшина. Продемонстрировано, что если в начале своего писательского пути Шукшин в ключевые лозунги хрущевской эпохи верил, то в конце шестидесятых годов со многими иллюзиями расстается. В первую очередь это касается утопической надежды на скорое наступление коммунистической эры. Художественное своеобразие рассказа «Свояк Сергей Сергеевич» обусловлено теми изменениями, которые произошли в мировоззрении позднего Шукшина. В анализе рассказа впервые выявлены полемические отсылки к ряду программных произведений оттепельной эпохи, среди которых особое место занимает фильм «Верьте мне, люди».

Ключевые слова

В. М. Шукшин, «оттепель», поэтика, семиотика, символ, мотив, контекст, конфликт

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 23-18-00408,
<https://rscf.ru/project/23-18-00408/>

Для цитирования

Кулепин А. И. Рассказ В. Шукшина «Свояк Сергей Сергеевич» в контексте культуры хрущевской «оттепели» // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 119–127.
DOI 10.17223/18137083/93/9

© Кулепин А. И., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 119–127
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 4, pp. 119–127

Vasily Shukshin's story "Svoyak Sergey Sergeevich" in the context of the Khrushchev thaw culture

Alexander I. Kulyapin

Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation

Russian Christian Academy for Humanities
named after Fyodor Dostoevsky
St. Petersburg, Russian Federation

iskander58@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9673-3855>

Abstract

This paper examines the short story "Svoyak Sergey Sergeevich" written by Vasily Shukshin. The word *svoyak* (brother-in-law) implies kinship and closeness, yet the protagonist, seeking to emphasize the distance between himself and his wife's relatives, insists on the formal address "Sergey Sergeevich." Although once a villager like his brother-in-law, Andrey Kochuganov, he is now a stranger in the rural world. It is no accident that Sergei Neverov favors a traditional *banya po-chernomu* (black bathhouse). Shukshin establishes a direct correlation between the black bathhouse and the essence of his character: in the steam room, Sergei Sergeevich's vindictive malice seems to break loose. Gradually, the sins and vices embodied in this character cease to be perceived as merely a socio-psychological phenomenon. A palpable halo of infernality forms around this "petty demon." In one scene, the hero sings "Vaninsky Port," a song often called the unofficial anthem of the Kolyma prisoners. Its popularity surged during the thaw, especially following its appearance in the film "Ver'te mne, lyudi!" ("Believe Me, People"). Shukshin selected this film as a subject of debate, as it embodied ideas and imagery characteristic of thaw-era cinema. Early in his career, Shukshin endorsed the fundamental tenets of the Khrushchev period. However, by the late 1960s, he had discarded many illusions, particularly the utopian expectation of an immediate communist arrival. Sergei Neverov stated in the journal publication, "Ya uzhe odnoy nogoy v kommunizme, mozhno skazat" (One might assert that I am already leaning toward communism"). Later, Shukshin deleted this subversive statement.

Keywords

Vasily Shukshin, the thaw, poetics, semiotics, symbol, motive, context, conflict

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation Grant no. 23-18-00408,
<https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/>

For citation

Kulyapin A. I. Vasily Shukshin's story "Svoyak Sergey Sergeevich" in the context of the Khrushchev thaw culture. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 4, pp. 119–127. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/9

Рассказ Шукшина «Свояк Сергей Сергеевич» был написан летом 1969 г., опубликован в том же году в журнале «Новый мир» (№ 10). Позже писатель с небольшими по объему, но существенными изменениями включил его в книгу «Характеры» (1973).

Название рассказа антиномично. Помимо основного значения – «муж своячницы, а также (разг.) вообще свойственник» [Ожегов, Шведова, 2006, с. 705] – у слова «свояк» есть дополнительное: «знакомый человек, “свой”, проверенный» [Елистратов, 2000, с. 419]. С этим понятием плохо сочетается официальное «Сергей Сергеевич» – именно так герой представляется Андрею Кочуганову. Настан-

вая на церемонном обращении по имени-отчеству, свояк подчеркивает наличие дистанции между собой и родственниками жены. Хотя в прошлом Сергей Неверов такой же сельский житель (тюремный срок он получил за ограбление сельпо, в котором работал его брат), как Андрей Кочуганов, ныне он чужой в этом мире. «Не люблю в этих деревнях...» – заявляет Сергей Сергеевич свояку (Шукшин, 2014, т. 5, с. 8)¹.

Высокомерие, с каким Неверов относится ко всему и ко всем, не может не создать конфликтной ситуации. Сначала Сергей Сергеевич кичится невиданными северными заработкаами: он, окончивший «пять классов, шестой коридор» (с. 8), имеет «профессорское жалованье» (с. 10). Позже предметом непонятной гордости становятся совсем уж странные «заслуги» – участие в краже, лагерное прошлое, предательство брата, издевательство над престарелым отчимом.

Сергей Сергеевич не случайно любит баню «по-черному». «Вот это хорошо! Некоторые удивляются: ты любишь по-черному? А я люблю. Хорошо, дымком пахнет», – восторгается он (с. 8). Актуальным содержанием оппозиции «банька по-белому» – «банька по-черному» на рубеже 1960–1970-х годов наполнил В. Высоцкий в так называемом «Банном цикле». В его песнях «очищение в бане приравнивается к отпущению грехов, а сама баня становится безусловным ценностным мерилом, даже в сатирических песнях». При этом «В “Баньке по-белому” очищение возможно, в “Баньке по-черному” герой – преступник, пребывающий в тюрьме, очищение для него затруднено: оно осуществляется мысленно, а покаяние реализуется в умозрительном пространстве баньки по-черному, поэтому и пространство оной является собой модель внутреннего мира героя – закопченные стены, отсутствие влаги» [Манков, 1999, с. 381, 383].

У Шукшина соответствие между баней по-черному и сущностью характера Сергея Сергеевича еще очевиднее, чем у Высоцкого. В парной мстительной злобность героя словно бы вырывается наружу: «Каменка зло фыркнула, крутой, яростный пар клубом ударил в потолок, оттуда кинулся вниз... Андрей присел на корточки» (с. 9). Стоит добавить, что этот фрагмент помимо прочего еще и предваряет финальный эпизод рассказа, в котором свояк «оседляет» Андрея.

Из трех песен, составляющих «банный цикл», самый громкий успех выпал на «Баньку по-белому», написанную Высоцким в августе 1968 г. Андрей Вознесенский отреагировал на исполнение Высоцким «Баньки по-белому» восклицианием «Володя, ты гений!!» – «И в самом деле, Володя – гений, добрый гений», – записывает в дневнике 2 марта 1969 г. Валерий Золотухин [Золотухин, 2007, с. 154]. По свидетельству Давида Карапетяна: «Именно “Баньку” неизменно пытался воспроизвести в подпитии Андрей Тарковский. Именно “Баньку” он ещё в далёком 1968 году называл “потрясающей вещью”. А спустя семь лет он же изрёк: “Да ведь это единственный у нас социальный певец!”» [Карапетян, 2005, с. 272]. Тарковский, как видим, сделал акцент на социальной проблематике «Баньки по-белому», что, конечно, вполне обоснованно.

Шукшин, в отличие от Высоцкого, предпочитает рассматривать зло не столько в социально-политическом, сколько в универсально-мифологическом контексте. Постепенно воплощенные в главном герое рассказа грехи и пороки перестают восприниматься как некий социально-психологический феномен. Вокруг «мелкого беса» Серги Неверова возникает ощущимый ореол инфернальности.

¹ Далее рассказ «Свояк Сергей Сергеевич» за исключением особо оговоренных случаев цитируется по этому изданию, страницы указываются в круглых скобках.

Баня «в народных верованиях нечистое место, где обитали демонические существа», зона контактов с нечистой силой [Будовская, Морозов, 1995, с. 138]. Герои ряда произведений Шукшина разделяют это мнение. «Да там же черти! В бани-то... Они там и водятся», – утверждает, например, в «Калине красной» Люба Байкалова (Шукшин, 2014, т. 6, с. 246).

В рассказе «Свояк Сергей Сергеевич» сцена в бане выдержана в соответствующей этим мифopoэтическим воззрениям тональности: «Свояк мучился на полке, извивался, мелькало в полуутьме его смуглое расписаное тело. Наконец он свалился оттуда и выполз в предбанник отдыщаться» (с. 9). Баню здесь можно трактовать как аналог преисподней. Мучения Сергея Сергеевича сродни традиционным представлениям об адских муках грешников, но одновременно его извивающееся «расписаное» тело напоминает о дьяволе-змие. Характерно, что герой тут даже не ходит, а ползает.

В журнальном варианте текста была прямая отсылка к экranизации повести Н. В. Гоголя «Вий», фильму Константина Ершова и Георгия Кропачева (1967). Запрыгнув на спину Андрею Кочуганову, Сергей Сергеевич пришпоривает его: «Ну-ка – в маx!.. До крыльца. Видел кинокартину “Вий?”» (Шукшин, 1969, с. 94). В окончательной редакции этой фразы нет, но символический подтекст эпизода остался столь же прозрачным. Убрав указание на конкретный источник, Шукшин добивается большей обобщенности. Нечистая сила, «оседлавшая» человека, – этот образ восходит не только к «Вию», но и к другой гоголевской повести «Ночь перед Рождеством». Век спустя гоголевский мотив будет подхвачен Михаилом Булгаковым. В романе «Мастер и Маргарита» служанка главной героини Наташа летит на шабаш ведьм «верхом на толстом борове»: «Хорошенько всмотревшись, Маргарита узнала в борове Николая Ивановича» (Булгаков, 1989, с. 239). Андрей Кочуганов, подобно героям Гоголя и Булгакова, не способен устоять перед искушением, поэтому тоже вынужден прокатить на спине свояка-беса.

Уже в начале рассказа появляется концептуально важный мотив подмены сакрального инфернальным. Радость Сони по поводу богатых подарков отливается в кощунственную формулу: «– Ох и навезли! – заговорила она восторженно и с каким-то святым благоговением. – Мне два платка вот таких – цветастые, с тистями, платье атласное, две скатерки, тоже с тистями...» (с. 8). Благоговение – это «религиозно-нравственное чувство, выражющее любовно-почитательное отношение к превосходящему человеческую субъективность – Богу, святыням, высшим ценностям бытия; основное религиозное переживание непосредственно го присутствия Божия в мире и в жизни» [Малахов, 2002, с. 294]. Высшие ценности шукшинских героев с нравственно-религиозной сферой не соприкасаются вовсе.

Лишь в finale дорогой подарок свояка – лодочный мотор – и сам свояк названы своими именами: «Проклятый мотор! Черт его подсунул, не иначе. Стерва металлическая...» (с. 12). Впрочем, даже осознав истинную природу даров свояка, Андрей Кочуганов остается в его власти: «Да черт с ним, что прокатил на спине! Что, действительно, трудно, что ли? Зато теперь – с мотором, будь он проклят» (с. 13).

В статье «Средства литературы и средства кино» (1967) Шукшин писал: «Авторские размышления, подсказка, оценка – очень и очень рискованное дело. <...> Раздражает. Предполагает в зрителе дурака, на что он справедливо обижается» (Шукшин, 1981, с. 145). Вычеркнув из текста рассказа «подсказку» – реплику ге-

роя с упоминанием фильма «Вий», Шукшин оставляет возможность «читателю самому досочинить многое» (Шукшин, 1981, с. 116).

Гоголевские ассоциации в сознании окончившего «пять классов, шестой коридор» Сергея Сергеевича, пожалуй, не слишком уместны. В том числе и поэтому Шукшин вместо них актуализирует народно-песенный контекст. Погоняя Андрея, свойк «еще и орет»: «— Еге-ей! Скакал казак через долину!.. Гоп! Гоп!..» (с. 12). В казачьей песне, которая так кстати вспомнилась герою, рассказывается история измены. «Тебе казачка изменила // Другому сердце отдала!» — предупреждает казака встретившая его возле родного села старушка (Веселы привалы, 2023, с. 39). Выбор именно этой песни понятен, ведь предавать для Сергея Сергеевича дело привычное.

За столом свойк поет еще одну песню: «Я знаю, меня ты не ждешь, // И писем моих не читаешь...» (с. 11). Это строчки из песни «Я помню тот Ванинский порт», которую иногда называют неофициальным гимном колымских заключенных. Созданный в конце 1930-х или в 1940-х гг., «Ванинский порт» обрел широкую известность уже после смерти Сталина. Особенно значимо для популяризации песни стало ее исполнение героем одного из самых кассовых фильмов 1965 г. «Верьте мне, люди».

Картина Ильи Гурина и Владимира Беренштейна, снятая по роману Ю. Германа «Один год», не могла не привлечь пристального внимания Шукшина². В литературе периода «оттепели» тема сталинских репрессий прозвучала достаточно громко, но в кино она просочилась только на излете хрущевского правления. Нет никаких сомнений в том, что жизненная драма главного героя фильма вор-рецидивиста Лехи Лапина по кличке «Лапа» (в этой роли снялся Кирилл Лавров) напомнила Шукшину его собственную судьбу. Алексей — сын «врага народа», незаконно репрессированного комкора Корнева. Свой первый срок он получит по печально знаменитой 58-й статье. «А у меня и пятьдесят восьмая была. Чтоб мне воли не видать. Шел тогда мальчишке всего восьмой годок», — горько усмехается, наблюдая за освобождением «политических», Алексей. У него много имен и фамилий, но отчество «Васильевич» он обретет только в 1956 г., после реабилитации отца.

«Лапа» совершает побег из лагеря за 32 дня до освобождения. Шукшин на подобной фабуле построит рассказ «Степка» (1964), позже ставший основой кинновеллы в его фильме «Ваш сын и брат» (1966). Шукшинский герой сбегает из мест заключения, не досидев трех месяцев. Правда, мотивируется его абсурдный на первый взгляд поступок иначе, чем в фильме «Верьте мне, люди».

Даже в последней режиссерской работе Шукшина можно обнаружить следы полемики с И. Гуриным и В. Беренштейном. Отношения вора-рецидивиста Егора Прокудина и Любы Байкаловой в «Калине красной» очень напоминают те, что сложились между Алексеем Лапиным и Ниной в фильме «Верьте мне, люди». Однако в середине 1970-х гг. оптимистический пафос оттепельной эпохи кажется слишком наивным и поверхностным. Хэппи-энд в «Калине красной» исключен.

Песню «Я помню тот Ванинский порт» герою Кирилла Лаврова допеть до конца не удается. После куплета «От качки стонали з/к, // Обнявшись как родные братья, // И только порой с языка // Слетали глухие проклятья» бандит по кличке Каин грубо прерывает его: «Распелся!» В титрах герой Станислава Чекана поч-

² По некоторым данным, Шукшин даже пробовался на роль главного героя Алексея Лапина.

му-то обозначен как «Батый», хотя на протяжении всего фильма к нему обращаются исключительно как к «Каину». Вероятно, кличу персонажу сменили в последний момент и не успели внести необходимую поправку. Но, так или иначе, прозвище «Каин», конечно, точнее. Ради побега герой через несколько минут после того, как прозвучала песня «Ванинский порт», совершил убийство такого же, как он, заключенного. Понятно, что упоминание о «з/к, обнявшихся как родные братья» для Каина нестерпимо.

Хотя шукшинский Сергей Сергеевич с чувством исполняет песню, которую в фильме «Верьте мне, люди» пел «перековавшийся» Алексей Лапин, похож он скорее на Каина. Относительно мягкий приговор за кражу связок получает, потому что перекладывает основную вину на своего брата³. Поражает легкость, с которой совершается предательство. «Меня на первом же допросе раскололи», – нисколько не смущаясь, рассказывает герой (с. 9).

Связок на тюремном жаргоне – «заключенный, не являющийся блатным, но поддерживающий их» [Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона, 1992, с. 219]. «Обилие наколок на сухопаром теле» (с. 8) и пристрастие к лагерным песням, разумеется, не делает Сергея Сергеевича своим в уголовном сообществе. В нем он такой же чужак, как в сельском мире связок Андрея Кочуганова.

Шукшин не зря выбрал в качестве объекта для полемики фильм «Верьте мне, люди», сконцентрировавший типичные для оттепельного кино идеи и образы. В начале своего творческого пути он – автор таких соцреалистических произведений, как рассказы «Правда» и «Коленчатые валы», и сам верил (или во всяком случае делал вид, что верит) в ключевые лозунги хрущевской эпохи. Однако в конце шестидесятых годов Шукшин расстается со многими иллюзиями. В первую очередь это касается утопической надежды на скорое наступление коммунистической эры. В докладе «О программе КПСС» на XXII съезде партии Хрущев провозгласил: «Мы руководствуемся строго научными расчетами. А расчеты показывают, что за 20 лет мы построим в основном коммунистическое общество» [Хрущев, 1962, с. 167]. Сергей Сергеевич живет в точности по графику, намеченному вождем, за восемь лет, прошедших после XXII съезда, он прошел ровно половину пути к коммунизму. «Я уже одной ногой в коммунизме, можно сказать», – заявлял связок в тексте журнальной публикации (Шукшин, 1969, с. 90). Позже эту крамольную фразу Шукшин вычеркнул. И у него были на то серьезные причины.

О перспективах построения в СССР коммунизма Шукшин откровенно высказался в середине шестидесятых в ходе полемики с известным критиком журнала «Октябрь» Ларисой Крячко. «Давайте будем реальны. Давайте так: Вы за коммунизм, который надо строить, или Вы за коммунизм, который уже есть? Я – за коммунизм, который надо строить», – писал Шукшин в неотправленном письме Л. Крячко. А далее он довольно прозрачно намекает на хрущевский волюнтаризм: «Давайте считаться с тем, что есть наша жизнь. В кабинетах торопить ее удобнее всего. (Примеры тому были, Вы знаете)» (Шукшин, 1981, с. 48).

В статье «Бой “за доброту”» (Октябрь. 1965. № 3) под прицел критики Л. Крячко попал рассказ «Степка»: «...Люди должны быть добры (всегда, ко всем, без разбора) – тезис, защищаемый Шукшиным. Простите Степку. А если он кого-ни-

³ Симптоматично, что и у Высоцкого в «Баньке по-белому» упомянут брат, не захотевший или не сумевший прийти на помощь: «Вспоминаю, как утром раненько // Брату крикнуть успел: “Пособи!” // И меня два красивых охранника // Повезли из Сибири в Сибирь» (Высоцкий, 1997, с. 128).

будь пырнет ножом? И это прощать? Вот к каким неожиданным результатам может привести автора возвывание к вселенской доброте, симпатии к “стихийным” характерам!» [Крячко, 1965, с. 180].

За упреками критика в симпатии Шукшина «к стихийным характерам» отчетливо просматривается ортодоксально-советское противопоставление пролетарского гуманизма абстрактному общечеловеческому. Показательно, например, что один из главных теоретиков большевистской партии Н. Бухарин основой социалистического гуманизма счел «исчезновение общественной стихии и сознательность (рациональность) процесса общественной жизни» [Узник Лубянки..., 2008, с. 145]. Шукшин, с его осознанным пристрастием к героям «несколько стихийного образа жизни» (Шукшин, 1981, с. 112), очевидно, хотел бы скрестить гуманизм коммунистический с общечеловеческим. Эта идея была недвусмысленно сформулирована им в письме Л. Крячко: «Я не представляю себе коммунизма без добрых людей» (Шукшин, 1981, с. 47).

Пересказывая статью «Бой “за доброту”», Шукшин особо акцентировал бес почвенную тревогу критика по поводу якобы наметившейся в литературе апологии хулиганов, циников, «предъявляющих липовые “входные билеты” в область, нами предрекаемую, в область, нами работаемую, – в область коммунизма» (Шукшин, 1981, с. 47). Но не прошло и пяти лет, как реальность доказала, что в чем-то все-таки была права Лариса Крячко. «Входной билет» в коммунизм предъявил не добрый чудик Степка, а мстительный циник Серьга Неверов.

Примечательно, что в своем последнем фильме Шукшин по сути вступает в спор с самим собой. В 1973 г. в беседе с киноведом В. И. Фоминым он сравнил двух своих героев – Степку и Егора Прокудина: «“Калина красная” опять о деревне, но вон куда вынесло теперь этот разговор. Крестьянин, ставший вором, паразитом. Тут такое разрушение личности, нравственных ее основ, что 5–7 лет назад мне бы и в голову не пришло именно так поворачивать разговор. А ведь уже тогда подворачивались под руку фигуры прокудинского типа. Скажем, в Степане из фильма “Ваш сын и брат” что-то уже маячило в этом духе. Но я отнесся к нему нежно, с любовью. То, что в тюрьгу загудел, – это, мол, случайность чистая, нелепость просто». Итог сравнения крайне пессимистичен. Раздумывая над судьбой Егора Прокудина, Шукшин пришел «к самым горьким и неутешительным выводам: это конец» [Фомин, 2024, с. 469].

Список литературы

- Будовская Е. Э., Морозов И. А. Баня // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 138–140.
- Золотухин В. С. Знаю только я. М.: Вагриус, 2007. 524 с.
- Елистратов В. С. Словарь русского арго. М.: Русские словари, 2000. 694 с.
- Карапетян Д. Владимир Высоцкий. Воспоминания. 2-е изд. доп. М.: Захаров, 2005. 304 с.
- Крячко Л. Бой «за доброту» // Октябрь. 1965. № 3. С. 175–184.
- Малахов В. А. Благоговение // Православная энциклопедия. М.: Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия», 2002. Т. 5: Бессонов – Бонвич. С. 294–296.
- Мансков С. А. «Грязь» и «очищение» в поэзии Владимира Высоцкого // Studia Litteraria Polono-Slavica. 4: Utopia czystosci i gory smieci. Warszawa: Pol. akad. nauk, 1999. С. 377–387.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: А-Темп, 2006. 944 с.

Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М.: Края Москвы, 1992. 526 с.

Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина: Сб. док. 2-е изд., доп., изм. и расшир. М.: АИРО-XXI, 2008. 1070 с.

Фомин В. И. «Калина красная»: к истории постановки фильма // Творчество В. М. Шукшина в России и за рубежом: Сб. науч. ст., посвящ. 95-летию со дня рождения В. М. Шукшина. Барнаул, 2024. С. 454–472.

Хрущев Н. С. О программе КПСС // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 1. 608 с.

Список источников

Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М.: Высш. шк., 1989. 559 с.

Веселы привалы, где казаки запевали! Калуга: Дом народного творчества и кино «Центральный», 2023. 41 с.

Высоцкий В. С. Банька по-белому // Высоцкий В. С. Собр. соч.: В 4 кн. М.: Надежда-2, 1997. Кн. 1: «Грустный роман». С. 127–128.

Шукшин В. М. Свояк Сергей Сергеевич // Новый мир. 1969. № 10. С. 90–94.

Шукшин В. М. Вопросы самому себе. М.: Молодая гвардия, 1981. 256 с.

Шукшин В. М. Собр. соч.: В 9 т. Барнаул: ИД «Барнаул», 2014.

References

Budovskaya E. E., Morozov I. A. *Banya [Banya]*. In: *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'*: V 5 t. [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: In 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1995, vol. 1, pp. 138–140.

Elistratov V. S. *Slovar' russkogo argo* [Dictionary of Russian slang]. Moscow, Russkiye slovari, 2000, 694 p.

Fomin V. I. “Kalina Krasnaya”: k istorii postanovki fil'ma [“Kalina krasnaya”]: on the history of the film production]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina v Rossii i za rubezhom: Sb. nauch. st., posvyashch. 95-letiyu so dnya rozhdeniya V. M. Shukshina* [The work of V. M. Shukshin in Russia and abroad. A collection of scientific articles dedicated to the 95th anniversary of the birth of V. M. Shukshin]. Barnaul, 2024, pp. 454–472.

Karapetyan D. *Vladimir Vysotskiy. Vospominaniya* [Vladimir Vysotsky. Memories]. 2nd ed. Moscow, Zaharov, 2005, 304 p.

Khrushchev N. S. O programme KPSS [On the program of the CPSU]. In: *XXII s'yezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza. Stenograficheskiy otchet* [XXII Congress of the Communist Party of the Soviet Union. Verbatim report]. Moscow, Gospolitizdat, 1962, vol. 1608 p.

Kryachko L. Boy “za dobrotu” [Fight “for kindness”]. *Oktyabr'*. 1965, no. 3, pp. 175–184

Malakhov V. A. *Blagogoveniye* [Reverence]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr “Pravoslavnaya entsiklopediya,” 2002, vol. 5: Bessonov–Bonvech, pp. 294–296.

Manskov S. A. “Gryaz” i “ochishcheniye” v poezii Vladimira Vysotskogo [“Dirt” and “purification” in the poetry of Vladimir Vysotsky]. In: *Studio Litteraria Polono-*

Slavica. Warszawa, Pol. akad. nauk, 1999, vol. 4: Utopia czystosci i gory smieci [Utopia in purity and hot laughter], pp. 377–387.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. Moscow, A-Temp, 2006, 944 p.

Slovar' tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona (rechevoy i graficheskiy portret sovetskoy tyur'my) [Dictionary of prison-camp-thug jargon (speech and graphic portrait of a Soviet prison)]. Moscow, Kraya Moskvy, 1992, 526 p.

Uznik Lubyanki. Tyuremnyye rukopisi Nikolaya Bukharina. Sb. dokumentov [The prisoner of Lubyanka. Prison manuscripts of Nikolai Bukharin. Collection of documents]. 2nd ed. Moscow, AIRO-XXI, 2008, 1070 p.

Zolotukhin V. S. *Znayu tol'ko ya* [Only I know]. Moscow, Vagrius, 2007, 524 p.

List of sources

Bulgakov M. A. *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. Moscow, Vyssh. shk., 1989, 559 p.

Shukshin V. M. *Svojok Sergey Sergeevich* [Brother-in-law, Sergey Sergeevich]. *Novyy mir*. 1969, no. 10, pp. 90–94.

Shukshin V. M. *Voprosy samomu sebe* [Questions for myself]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1981, 256 p.

Shukshin V. M. *Sobraniye sochineniy: V 9 t.* [Collected works: In 9 vols]. Barnaul, Barnaul, ID “Barnaul,” 2014.

Vesely privaly, gde kazaki zapevaly! [Merry are the halts where the Cossacks lead the singing!]. Kaluga, Dom narodnogo tvorchestva i kino “Tsentral’nyy,” 2023, 41 p.

Vysotskiy V. S. *Ban'ka po-belomu* [A banya with a proper steam room]. In: Vysotskiy V. S. *Sobr. soch.: V 4 kn.* [Collected works: In 4 bks.]. Moscow, Nadezhda-2, 1997, bk. 1: “Grustnyy romans” [Sad romance], pp. 127–128.

Информация об авторе

Александр Иванович Кулепин, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета; исполнитель проекта в Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского (Барнаул, Санкт-Петербург, Россия)

Information about author

Alexander I. Kulyapin, Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature, Altai State Pedagogical University, Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky (Barnaul, Saint Petersburg, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 07.11.2024;
одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 09.12.2024
The article was submitted on 07.11.2024;
approved after reviewing on 09.12.2024; accepted for publication on 09.12.2024